

явление достоверного образа автора, оказывающееся возможным благодаря автобиографическим реалиям «Поучения», может быть плодотворным не только для определения этических, политических и социальных черт мировоззрения Мономаха, но и для решения, по-новому, сложных и спорных вопросов, касающихся структуры, художественной формы и жанра самого «Поучения».

Прежде всего попытаемся проследить, в какой мере композиционная разнородность отдельных частей «Поучения» обусловлена противоречивой сущностью внутреннего мира Мономаха и, наоборот, в какой мере личность автора и его авторский замысел объединяют эти различные части «Поучения» в единое целое, превращая деловые «бумаги» Мономаха в литературное произведение.

С этой целью обратимся прежде всего к тем частям «Поучения», в которых особенно ярко выступает его психологическая окрашенность, а именно: к описанию разговора Владимира Мономаха с послами от братьев («усретоша бо мя слы от брата моя на Волзе, реша: Потъснися к нам, да выженем Ростиславица и волость их отимем, иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе. И рек: Аще вы ся и гневате не могу вы я ити, тем креста переступити»⁵), открывающего выписки из Псалтыри, и к письму Мономаха к Олегу Святославичу.⁶

Единство настроения этих двух «оторванных» в «Поучении» друг от друга частей свидетельствует об их композиционной близости и позволяет предположить, что их присутствие не случайно. Их связь подчеркнута автором близостью настроения тех выписок из Псалтыри, которые и в первом, и во втором случае открывают повествование и служат как бы к нему эпиграфом.

Так же органична связь рассказа о свидании с послами братьев и следующими за ним выписками из Псалтыри. Попытка отдельных исследователей рассмотреть выписки отдельно от рассказа, сведя их к гаданию, широко практиковавшемуся на Руси в средние века, как известно, ни к каким реальным выводам не привела. Ключ-разгадка так и не был найден.⁷

Да и вряд ли поиски эти были необходимы.⁸ Мономах раскрывает Псалтырь не для того, чтобы гадать, а для того, чтобы найти словесное выражение овладевшему им чувству («Взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выняся»). Ведь ему было хорошо известно, что «книжных словес сила» может «спрятати» и «утешити» «душевную печаль».

Отказав братьям в их просьбе и отпустив послов ни с чем, Мономах продолжает разговор, но уже с самим собой: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя?»⁹ Мономах употребляет слово «выняся», обозначающее гадание, для того, чтобы подчеркнуть неожиданную предопределенность (лежавшую вне его воли) полученных им ответов.¹⁰ Мономах,

⁵ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стлб. 241.

⁶ См.: В. П. Андрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы X—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 15, 18, 23 и др.

⁷ М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг. I. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899, стр. 5, 10, 55, 56, 61. Вполне убедительной представляется критика этой точки зрения в работе: В. М. Истрин. К вопросу о гадательных псалтырях. Одесса, 1901, стр. 28—33. Ср.: И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах. М., 1901, стр. 79—86.

⁸ В. М. Истрин. К вопросу о гадательных псалтырях, стр. 32—33.

⁹ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стлб. 241 (псалмы 41 и 42).

¹⁰ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. I. СПб., 1867, стр. 34—35.